

ЛАНДШАФТНАЯ АНАЛИТИКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ПСИХОТЕХНИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ

А.С. БЕЛОРУСЕЦ*,
НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
arsenny@mail.ru

Ю.В. КОНОПЕЛЬЦЕВА**,
Хаскидеревня «Русская Аляска», Руза, Россия,
YuliaKonop@gmail.com

Представлен анализ авторского метода групповой психотерапии — ландшафтной аналитики (ЛА). Описываются методологические основания, методические приемы работы и генез психотерапевтического эффекта. Метод рассматривается через категории персонологии, транзактного анализа, аналитической психологии, деятельностного и возрастно-психологического подходов. Охарактеризованы отдельные особенности эффекта ЛА: вовлечение участников в активное освоение различных «пространств» жизни, одновременная активизация всех элементов эго-структуры личности, стимулирование «трансцендентной функции», формирование многоуровневого образа мира, приглашение увидеть задачи развития через призму единой «сверхза-

Для цитаты:

Белорусец А.С., Конопельцева Ю.В. Ландшафтная аналитика: теоретические основания и психотехнические приемы // Консультативная психология и психотерапия. 2017. Т. 25. № 4. С. 156—171. doi: 10.17759/cpp.2017250410

* *Белорусец Арсений Сергеевич*, магистрант департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», эксперт отдела исследований и разработок ООО «Лаборатория “Гуманитарные технологии”», Москва, Россия, e-mail: arsenny@mail.ru

** *Конопельцева Юлия Владимировна*, каюер-инструктор центра активного отдыха «Хаскидеревня “Русская Аляска”», Руза, Россия, e-mail: YuliaKonop@gmail.com

дачи». Все эти характеристики могут быть представлены как слагаемые единого воздействия, цель которого — изменение ориентировки участников в направлении ее расширения, дифференциации и интегрированности.

Ключевые слова: ландшафтная аналитика, психотерапевтические путешествия, психологический туризм, групповая психотерапия, уровни ориентировки.

Ландшафтная аналитика — метод групповой психотерапии, предложенный С.В. Березиным и Д.С. Исаевым [4]. Сессия проходит в форме специально организованного путешествия группы по природному ландшафту¹. Продолжительность путешествия, как правило, составляет 2 дня. Участники сталкиваются с определенными ландшафтными объектами (перевал, луг, болото, гора, дорога, лесная чаща, подземелье, поляна, родник и т. п.). Образ каждого из этих объектов имеет богатейшую представленность на уровне значений и смыслов. Эти значения и смыслы раскрываются с особой стороны в контексте психотерапевтического запроса. Их богатство и варибельность, обеспечиваемая актуализацией различных значений каждым участником в общем групповом поле, дает основу для уточнения и обогащения образов ландшафтных объектов, образа Я и образа мира каждого из участников. Обогащенный образ мира (и образ Я как его часть), как продукт и средство ориентировочной деятельности, позволяет по-новому взглянуть на проблемы, приведшие участника в терапевтическую группу, увидеть пути их решения за счет расширения контекста ориентировки.

Параллелизм

Основную идею ЛА можно сформулировать как одновременное движение в нескольких пространствах: пространстве природы, пространстве культуры, внутреннем пространстве и предметной среде [12]. Краеугольный камень ЛА — параллелизм² (скоррелированность) психического и физического, «внутреннего» и «внешнего», или, выражаясь словами М. Элиаде, сакрального и профанного [22].

Согласно его концепции, для человека традиционной культуры план обыденного являлся отражением, репрезентацией сакрального. Элиаде

¹ Насколько нам известно, в настоящее время сессии ЛА проводятся в Самаре (ведущие: С. Березин, Д. Исаев, А. Титенков, Л. Иванова), Москве (А. Белорусец, Ю. Конопельцева) и Израиле (Д. Исаев, А. Борода).

² В данном контексте мы имеем в виду параллелизм не в смысле отсутствия пересечений, а как геометрическую метафору синхронности.

называет такое проявление священного в мирском термином «иерофания» [22]. А Дж. Кэмпбелл в похожем значении употребляет термин «секуляризация сакрального» [8]. Подчеркнем единое для этих двух ученых понимание мировосприятия человека традиционной культуры и его противопоставление современному человеку (речь преимущественно о европейских и американских горожанах).

Человек традиционной культуры рефлексировал многоуровневость собственных действий. Его повседневные действия в поле профанного были воспроизведением сакрального архетипического образца. Отход от архетипического образца свидетельствовал о выпадении из реальности, а причастность к образцу порождала чувство экзистенциальной причастности к реальности.

Парадоксально, но современная культура (как будто более рефлексивная, чем традиционная) старается уйти от многоуровневости. Победа профанного над сакральным, символизируемая победой Эдипа над Сфинксом, маркирует переход к гегемонии ориентировки на прагматику и игнорированию других уровней и межуровневых взаимодействий. *Происходит сужение поля ориентировки!*

Используя терминологию Э. Берна, можно сказать, что у современного человека нарушается целостность эго-структуры [19]. В классической схеме транзактного анализа элементы эго-структуры — Родитель, Взрослый и Дитя — суть субъекты, деятельность которых разворачивается в разных пространствах. В силу описанных выше культурных сдвигов, происходит их рассинхронизация, и, более того, каждое из этих пространств оказывается ущемленным.

Пространство Родителя (т. е. культуры, этики, созерцания трансцендентного) редуцируется до пространства правил и запретов.

Пространство Дитя (т. е. спонтанности, игры, творчества и активности, времени-для-себя) редуцируется до строго определенных форм деятельности. В широком смысле их можно назвать хобби, что отражает компенсаторный и не слишком легитимный характер этих занятий. Официально хобби не может быть на первом месте, но внимательное наблюдение говорит об обратном. Даже простой подсчет материальных затрат среднестатистического гражданина на хобби показывает, что эта «полуподпольная» область оказывается весьма значимой.

Казалось бы, в современном мире производства—потребления меньше всего страдает пространство Взрослого. Но и оно оказывается под угрозой. Нововременной энциклопедически образованный Взрослый-герой вытесняется со сцены Взрослым-функционером, или даже Взрослым-винтиком. Его единственная легитимная задача — быть частью систем производства и выполнять в этих системах определенные функции.

С особой рельефностью дефицитарность пространства Взросло-го проявляется в кризисе пенсионного возраста. В тот момент, когда Взрослый взрослого становится Взрослым пенсионера и освобождается от рабочих и семейных обязанностей, он нередко теряет свое жизненное пространство [10].

В современных условиях страдает не только каждое из перечисленных пространств (и, как следствие, их субъекты), но и их связанность, синхронность. Вместо одновременного пребывания в каждом из пространств (и в каждом из эго-состояний) современный человек в лучшем случае довольствуется последовательной их сменой.

Пространства жизни, уровни ориентировки и развитие личности

С нашей точки зрения, происходящее сужение поля ориентировочной деятельности, в буквальном смысле, расчеловечивает человека, лишает его личности. Ведь едва ли не основной критерий личности — это способность принимать решение с оглядкой на их последствия в широком (как минимум, социальном) контексте [6], способность объединить все поступки, осуществляемые в рамках разных деятельностей под крылом единой жизнедеятельности.

Призывая искать критерий личности в ориентировке на последствия своих действий в социальном плане, В.А. Иванников имплицитно вводит идею о планах или уровнях ориентировки. Оказавшись в одинаковых условиях, два субъекта будут ориентироваться на разное и, в частности, на разноуровневое, разноплановое [6].

Могут быть разные подходы к выделению этих планов. Так, А.Г. Асмолов и В.В. Петухов выделяют природный, социальный и культурный уровни [2; 14], В.А. Петровский — уровни жизнедеятельности, предметной деятельности, деятельности общения и деятельности cogito [13]. В схожем значении Е.Б. Старовойтенко выделяет «миры», или пространства жизни личности [17]. Описанием уровней ориентировки, выделением операциональной, целевой и смысловой ориентировки, изучением мотивационного компонента ориентировочной деятельности в конце 80-х — начале 90-х годов много занимались ученики П.Я. Гальперина, в частности, А.И. Подольский и Ю.И. Фролов [11].

Ориентировка имеет дело с образом (А.Н. Леонтьев и др.) [9], со схемой (Ж. Пиаже, У. Найссер, Дж. Брунер) [20], с полем (К. Левин) [5]. Выделение уровневых компонентов можно найти во всех этих концепциях. О.А. Карабанова подчеркивает родство ориентировки и образа, вводит понятие «ориентирующего образа» и рассматривает его компоненты [7]. У современного человека разные уровни образа могут вносить больший

или меньший вклад в ориентировку. Субъект может в разной степени учитывать каждый из уровней. Скажем, строя образ шубы и принимая на его основе решение о выборе, один человек может ориентироваться на уровень функциональности, другой на эстетический уровень, а третий — на этический.

Наше предположение (и развитие мысли В.А. Иванникова) заключается в том, что «масштаб личности» определяется богатством уровней образа, на которые ориентируется субъект в своей деятельности. Чем с более широким контекстом соотносится субъект, чем в большем количестве пространств одновременно осуществляет он свое движение, тем больше масштаб его личности и тем больше у него шансов разрешить задачи, которые кажутся неразрешимыми при ориентировке на отдельных уровнях.

Здесь нельзя не упомянуть о категории, широко распространенной в возрастной психологии, — это «задачи развития», вызовы сложившейся ситуации развития (не обязательно социальной, так как это лишь один из уровней), отвечая на которые, субъект оказывается втянут в деятельность (ведущую деятельность), как средством, так и продуктом которой являются те или иные психические новообразования (Р. Хевигхерст, Л.С. Выготский, О.А. Карабанова) [3; 7]. В свое время нами был предложен системный подход к выделению уровней задач развития и ведущих деятельностей [3]. Речь шла о том, что решая конкретные задачи, субъекты в то же самое время развивают некие более генерализованные качества, которые могут явиться средством решения задачи развития более высокого порядка. Эту тему затрагивает и В.А. Петровский, описывая соотношение надситуативности и ситуативности на примере «задачи» и «сверхзадачи» в терминах К.С. Станиславского: «Решение «сверхзадачи» предполагает осуществимость решения «задачи», однако само по себе решение «задачи» не означает разрешения «сверхзадачи». <...> ... субъект первоначально следует ситуативной необходимости, но в самом процессе следования рождаются надситуативные моменты» [13, с. 84].

В логике настоящего рассуждения, возникает мысль о том, что рассматривать рефлексию субъектом соотношенности своих действий со сверхзадачей можно как меру масштаба его личности. В том же духе мы склонны рассматривать и организованность деятельностей в единую метадеятельность и соотношенность между собой жизненных пространств личности. Именно это значение мы видим в словах С.Л. Рубинштейна: «Личность тем значительнее, чем больше сфера ее действия и тот мир, в котором она живет; чем завершеннее этот мир, тем более завершенной является она сама» [15, с. 438].

У нас нет оснований утверждать, что без такой целенаправленной рефлексии не происходит интеграции жизненных пространств. Можно предположить наличие своеобразного «стробоскопического эффек-

та», суть которого заключается в том, что некоторый последовательный образ (мира?) сохраняется при скачкообразном переходе от одной деятельности к другой и обеспечивает все же некоторую слитность этих внешне независимых деятельностей. Однако мы уверены, что осознанно удерживая внимание одновременно в разных пространствах, эго-состояниях и деятельностях, многоуровневая ориентировка способствует значительно более надежной интеграции жизненных пространств и рефлексии сверхзадачи.

Остановимся подробнее на «сверхзадаче» и ее рефлексии. Согласно предложенной выше гипотезе, она может быть рассмотрена как коррелят развития личности. Более того, думается, что под различными названиями именно она рассматривается как конечная цель психотерапии, в частности, в аналитической психологии и транзактном анализе. В первом случае, мы сталкиваемся с понятием индивидуации, т. е. жизни в соответствии с индивидуальной мифологемой, раскрываемой и постигаемой человеком в *mysterium conjunctionis* (таинстве соединения) противоположностей [24]. В случае транзактного анализа, психотерапия строится от противного: ее цель не в том, чтобы напрямую дать человеку видение собственной сверхзадачи, но в том, чтобы не допустить ситуации, когда он примет сценарий за эту сверхзадачу. В обоих случаях ценность рефлексии сверхзадачи сомнению не подлежит.

Приемы и средства ландшафтной аналитики

Довольно обширное теоретическое введение было необходимо для понимания психотерапевтического метода ландшафтной аналитики. На наш взгляд, терапевтический эффект может быть достигнут расширением жизненных пространств личности, а также пестованием опыта многоуровневой ориентировки (наращиванием целостности эго-структуры личности). Рассмотрим, какие приемы могут применяться для достижения этих целей.

Смещение акцента с «персоны». Работа в группе ЛА начинается с ряда психотехнических действий. На время путешествия участники выбирают себе «природные» имена (названия видов животных, растений, погодных явлений и т. п.), выключают мобильные телефоны и часы. Общение в группе происходит на «Ты». Эти простые приемы позволяют значительно снизить инерцию привычных социальных ролей или, говоря языком аналитической психологии, ослабить позиции Персоны. Говоря о том же в терминах транзактного анализа, можно было бы заметить, что происходит освобождение Естественного дитя и определенное ограничение Контролирующего родителя. Это первый шаг к остранению.

Остранение — необычный взгляд на обычные предметы, часто обусловленный сменой контекста [21]. Природный, деревенский контекст, в котором проходит сессия ЛА, очень сильно отличается от привычного для участников городского. Встреча с тем, мимо чего деревенский человек прошел бы, не замечая, оказывается чуть ли не самым ярким впечатлением для приехавшего горожанина. Это может быть встреча с коровой или поилкой для лесного зверья. Последняя представляет собой выдолбленный пень, в котором надолго задерживается дождевая вода. Не способный моментально опознать это утилитарное предназначение, горожанин видит в таком пне сразу и чашу Грааля, и рюмку Лешего, и драгоценный камень.

Встреча с непривычными объектами сама собой порождает ситуацию остранения. Гораздо сложнее обстоит дело с тем, чтобы по-новому взглянуть на *привычные* вещи и проблемы. Иногда здесь на помощь приходит прием затрудненного восприятия, иногда же срабатывает своеобразная инерция остранения. Когда участники накапливают солидный опыт остраненного видения, эта измененная форма категоризации становится привычной. Новый взгляд на проблемы, за решением которых пришел участник, уже приводит к переструктурированию проблемного поля и может породить решение.

Затрудненное восприятие. Сущность этого приема — в создании особых условий, затрудняющих естественное течение процесса восприятия с тем, чтобы деавтоматизировать его, таким образом придав воспринимаемой вещи вкус, воспринимающему субъекту — переживание личностной включенности, присутствия в моменте. Ряд заданий в ЛА носит черты затрудненного восприятия. Например, в одном из них участникам предлагается идти через поле к дереву, символизирующему цель, с закрытыми глазами.

Оказавшись лишенными основной модальности восприятия, участники начинают ориентироваться на те ощущения, которым ранее не придавали значения. Освободившись от давления контекста и рассматривая процесс достижения цели на очень простой модели, участники с обезоруживающей ясностью замечают характерные для них способы достижения целей. Например, почти в каждой группе находятся те, кто, двигаясь к дереву-цели, смещаются с верной траектории настолько, что многократно оказываются в точке старта. Задача ведущего в таком случае ограничивается кратким сообщением для потерявшегося о том, что он снова вернулся на старт. Эта новость способна сильно взволновать участника и вызвать волну рефлексивной работы.

Как здесь не вспомнить мысль М.К. Мамардашвили о том, что для того чтобы увидеть реальность, поэту необходимо очень сильно взволноваться, прийти в особое эмоциональное состояние [12].

Наиболее ярко затрудненное восприятие находит свое выражение в таких упражнениях, как разговор с растением (нужно выбрать растение и поговорить с ним в громкой речи) или выбор собаки (нужно выбрать свою из большого числа собак, ожидающих участников в специальном месте, для того чтобы продолжить движение уже вдвоем с собакой-партнером). Привычные методы установления контакта в обоих случаях не работают. На автоматизм надежды нет. А значит, появляются взволнованность, присутствие, внимание, сознание, рефлексия, ощущение прикосновения к реальности.

Остранение и затрудненное восприятие отлично соотносятся с идеей одновременного движения в нескольких пространствах и многоплановой ориентировки. Лишаясь привычного метода ориентировки, человек начинает пробовать ориентироваться на те планы, которые до того не замечал. И удивительно, как много новой информации открывается через эти до сих пор совершенно не интересовавшие его планы!

Чередование напряжения и разрядки, опыт бытия на границе. Выше мы уже писали о том, что вслед за М.К. Мамардашвили считаем, что для того, чтобы прикоснуться к реальности, выйти за пределы привычного ее видения, участникам группы следует взволноваться достаточно сильно. Это волнение возникает в ответ на опыт остраненного или затрудненного восприятия, но это не единственный его источник. Аффект взволнованности нарастает при повторяющемся чередовании полярных эмоций, но он же возникает и при следовании по маршруту, проходящему через различные по характеру восприятия ландшафты.

Переживание калейдоскопа ландшафтов и быстрого прохождения границы между ними дает, помимо высокого аффективного градуса, особое ощущение слитности противоположностей в моменте. Вероятно, это достигается за счет действия последовательных образов пройденных и пережитых объектов, накладывающихся друг на друга и окрашивающих каждый новый момент. Это переживание слитности противоположностей, испытываемое вместе со взволнованностью и особым способом категоризации, генерализуется не только на ландшафты, но и на те жизненные обстоятельства, с которыми пришли участники. До того казавшиеся однозначными, жизненные ситуации видятся теперь содержащими в себе зерна собственных противоположностей.

Опыт материального движения и постоянной трансценденции границ дает ощущение не-статичности и в других планах. Проблемы, за решением которых пришли участники, теряют субъективное качество неразрешимости и тотальности.

Амплификация. Увидеть за вещью символ помогает амплификация. Термин «амплификация» (так же как и ранее — персона) используется здесь в значении, принятом в аналитической психологии: как прием ра-

боты с психологически значимым материалом, расширяющий поле его значений за счет нахождения культурных параллелей. Мы применяем этот прием к образам физических объектов и ландшафтов, с которыми взаимодействуют участники ЛА. Например, сидя у устья пещеры или у дверей погребца, мы много говорим о значении подземелья для человека. Вспоминаем драматичную историю освоения пещер — этих первых убежищ не только для человека, но и для древних хищников. Проводим параллель между пещерой и лоном, возврат в которое символизирует возможность начать с начала (*ab ovo*). После такой преамбулы поход в погреб становится не просто походом в погреб.

Аmplифицируя, мы как бы преднастраиваем ориентировочный аппарат участников на работу сразу в нескольких планах. Удивительно, с какой легкостью человеческая психика принимает этот посыл и схватывает символические значения простых событий. Происходит то, что М.К. Мамардашвили называл «вычиткой текста по сильному варианту», т. е. возникает ситуация, в которой столкновение со вполне обычной ситуацией оказывается мощным психическим орудием развития.

Однажды мы попросили участников ЛА провести небольшие мастер-классы и поделиться каким-то полезным опытом. Наиболее странным, на первый взгляд, показался мастер-класс одной из участниц, которая рассказала о своем опыте работы в больнице и о том, как безболезненно осуществлять внутримышечные инъекции (резко, как бы шлепком — тогда пациент не успевает почувствовать боли). Участники группы на какое-то время пришли в замешательство (было тяжело понять, какое отношение к их запросам имеет этот совет), но в дальнейшем многие осознали метафорический характер этого приема: речь шла о том, что иногда полезные, но неприятные действия необходимо предпринять резко и уверенно.

Большой экран. Готовность и привычка видеть параллельное (и даже единое) движение в окружающей природе и собственной душе приводят к тому, что мир вокруг становится гигантским экраном психодраматического представления. В этих представлениях участникам с обезоруживающей яркостью открываются феномены, знакомые лишь по психологическим теориям или незнакомые вовсе.

Яркий пример — случай с «групповой тенью».

Одна из участниц (с почти отсутствующей мимикой, в огромных темных очках и широкополой шляпе) с самого начала оказалась в контрпозиции по отношению к группе. Она старалась держаться особняком, игнорировала правила и критиковала властные притязания ведущих. При этом поведение участницы было нарочитым; ее хотелось не замечать, удалить из поля зрения и деятельности группы, но не получалось. В контрпозиции она была и с самой собой. Формулируя запрос, она рассказала, что слишком импульсивна и склонна к спонтанным

действиям, которые не раз круто рушили ее судьбу. Но вот что было удивительно: в то время как другие участники, нащупывая формулировки, говорили сбивчиво, она формулировала мысли кратко, четко, хорошо простроенными фразами. Импульсивность в ее речи едва ли была заметна.

Конфронтация росла, стало понятно, что сама собой она не разрешится. Группа как раз поднималась к очередному «ландшафтному объекту» — пещере. Атмосфера накалилась, часть группы вступила в жесткий спор с конфронтующей — «теневого» участницей. Было видно, как они теряли расположение духа и некий благостный настрой, свойственный участникам терапевтических групп.

Поднявшись, мы оказались у устья пещеры. Участникам предстояло по двое забираться внутрь. ... Когда «тень» вышла из пещеры, лицо ее сияло! Она явно была впечатлена чем-то. «Ну, а пещера-то у Вас ничего!» — сказала она, то ли преодолевая инерцию собственного образа, то ли наоборот, стараясь ее сохранить. Как бы там ни было, участница вышла из роли групповой тени. Но где это произошло: в пещере, там, куда не проникает свет, а значит, тени не может быть чисто физически!

На наш взгляд, именно эта способность придавать достоверность психическим содержаниям является ключевой для ЛА как метода. В пространстве аналитики эти содержания не просто оживают (кто-то скажет, что они всегда были живы), они становятся заметными без специально го напряжения внимания, обретают черты материальных объектов.

Живые образы, или От ландшафтных объектов — к ландшафтным субъектам

Каждая ЛА дарит участникам богатейшие живые символы, которые, тем не менее, как бы тускнеют, если пытаться вытащить их из ткани аналитики. Это похоже на то, что происходит при пробуждении, когда переживания сна умирают при попытке зафиксировать их на бумаге. Их редукция к словесному описанию, или интерпретация, помогает их зафиксировать, но, по сути, оказывается губительной.

Мульти-modalность, глубина и многозначность символа утрачиваются при попытке его прагматического использования. В этом парадокс интерпретации. Она помогает зафиксировать следы контакта с бессознательным и может быть полезна для решения проблемы, с которой работает участник, но перекрывает путь к раскрытию потенциала символа, который глубже. Интерпретация делает многозначный символ мертвым (или ставшим), фиксируя лишь одно из его возможных значений. Думается, что специфический терапевтический эффект ЛА несет *впечатление целостного восприятия символов*, уверенность в их существовании и до-

ступности. Именно поэтому ряд образов, с которыми мы сталкиваемся, остаются без интерпретаций. Это, например, вид «мирового пейзажа» — буквальный вид, открывающийся с вершины горы, который включает в себя все на свете: город, деревню, лес, поле, реку, озеро, кладбище, монастырь и многое другое.

Как отмечал К.Г. Юнг, «знак всегда меньше, нежели понятие, которое он представляет, в то время как символ всегда больше, чем его непосредственный очевидный смысл» [23, с. 51]. Символ возвращает нас к идее уровневости и одновременного пребывания в разных пространствах. Символ связывает эти пространства и открывает путь к рефлексии многоуровневости, многоуровневой ориентировке. Знак имеет одно, и только одно, означаемое и в этом смысле противостоит идее многоуровневости.

Ландшафтная аналитика дарит участникам живые символы, или, как писал С. Айзенстат, «живые образы» [1]. Это особые мультимодальные ландшафтные объекты (точнее субъекты, так как они представляются вполне живыми). М.К. Мамардашвили дает следующее различие живого и мертвого: «Живое отличается от неживого тем, что оно всегда может что-то иное. А мертвое уже не может ничего другого, чем оно есть» [12, с. 85]. Очевидно, что в этом смысле символы являются живыми, так как обладают бесконечным потенциалом значений. Эти символы принципиально не нуждаются в интерпретациях, они предельно просты и вместе с тем очень глубоки. Они не подчиняются пространству (они не здесь и не там) и линейному времени (они не из прошлого, настоящего или будущего), они как будто проявляются в подходящий момент и затем, исчезая в актуальном восприятии, сохраняют свою сущность. Встречи с этими символами переживаются как «моменты причастности» [12; 17; 18].

Как и принято в психотерапии, перед началом путешествия каждый участник формулирует свой запрос, в конце подводятся некие итоги. Одна из участниц как-то сказала, что *понятийного*, описательного ответа на свой запрос она не получила, а получила *бытийный* ответ — опыт встречи с символами.

Несмотря на принципиальные трудности в описании подобного опыта, факт его существования фиксируется в философской и психологической литературе, подчеркивается его ценность для развития личности. Именно эту феноменологию описывает М.К. Мамардашвили, говоря о «моментах невыразимого». «Именно в том, чего “сказать нельзя”, — говорит он, — мы чувствуем себя живыми. И вот это ощущение жизни самоценно» [12, с. 84]. Переживания того же рода Е.Б. Старовойтенко называет моментами причастности. «В моментах причастности мы узнаем себя живыми и способными длить и изменять свою жизнь, даем себе бытийствовать различными способами и в разных мирах, осуществляемся в переплетении жизненных отношений, можем продолжить жиз-

ненное восхождение к своей индивидуальности, можем, по выражению С.Л. Рубинштейна, быть источником света для других людей и преобразователями жизни» [17, с. 172].

Психотерапия или тренинг

Мы определяем жанр ландшафтной аналитики как психотерапевтическое путешествие. Психотерапия — это *создание условий* для того, чтобы человек мог изменить себя в направлении развития (такое определение психотерапии предложено А.С. Спиваковской) [16]. И хотя в термине «тренинг» есть что-то от поведенческого натаскивания на определенные навыки, ландшафтная аналитика — это и тренинг тоже. В том смысле, что это опыт особого поведения — внимательного, непредвзятого и неутилитарного отношения к обычным вещам, опыт многоплановой ориентировки и одновременного движения в различных пространствах жизни личности. Опыт постоянного стягивания разных планов — профанного и сакрального, и эта пограничность открывает для участников перспективы синтеза. Используя юнговскую терминологию, новую психическую «мышцу», которую мы тренируем, можно без натяжки назвать трансцендентной функцией.

Выводы

В настоящей статье мы предприняли попытку выделить методологические основания ЛА и описать методические приемы, используемые в ходе групповой психотерапии. Задачей ЛА является создание условий для переструктурирования ориентировочной деятельности участников, активизации целостной и осознанной мультисубъектной ориентировки личности. Эта задача решается через изменение среды, жизненного поля участников, вовлечение их в особую совместную деятельность, связанную с длительным движением, внимательным наблюдением и рефлексией. Эмпирическая фиксация происходящих изменений образов себя и мира, составляющих предмет и продукт ориентировочной деятельности участников, — ближайшая наша задача. Ее решение позволит вплотную приблизиться к измерению психотерапевтического эффекта рассматриваемого метода.

Благодарности

Авторы благодарят С.В. Березина, В.А. Петровского и Е.Б. Старовойтенко за мудрую поддержку, стимулирующие дискуссии и ценные идеи для настоящей статьи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Айзенстат С.* Дримтендинг. Метод исцеления сновидениями: пер. с англ. М.: Добросвет; Городец, 2017. 240 с.
2. *Асмолов А.Г.* Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2002. 480 с.
3. *Белорусец А.С., Фролов Ю.И.* Подходы к выделению структуры психологического возраста и из объяснительно-описательный потенциал по отношению к старости // Культурно-историческая психология. 2011. № 3. С. 50—60.
4. *Березин С.В., Исаев Д.С.* Ландшафтная аналитика: опыт трансдисциплинарной психотерапии [Электронный ресурс]. URL: <http://psycheya.ru/lib/land-analiz.pdf> (дата обращения: 22.11.2017).
5. *Зейгарник Б.В.* Теория личности К. Левина. М.: Издательство Московского университета, 1981. 118 с.
6. *Иванников В.А.* Понятие личности в психологии // Вопросы психологии. 2012. № 5. С. 125—131.
7. *Карabanова О.А.* Ориентирующий образ в структуре социальной ситуации развития ребенка: от Л.С. Выготского к П.Я. Гальперину // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2012. № 4. С. 73—82.
8. *Кэмпбелл Д.* Секуляризация сакрального // Юнгианский анализ. 2013. № 3. С. 35—62.
9. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
10. *Лидерс А.Г.* Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом содержании // Психология зрелости и старения. 2000. № 2. С. 6—11.
11. *Лидерс А.Г., Фролов Ю.И.* Развитие представлений об ориентировке и ориентировочной деятельности в концепции П.Я. Гальперина // Культурно-историческая психология. 2012. № 4. С. 13—27.
12. *Мамардашвили М.К.* Психологическая топология пути. (М. Пруст. «В поисках утраченного времени»): 2-е изд., доп. и испр. М.: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014. 1232 с.
13. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на/Д: Феникс, 1996. 512 с.
14. *Петухов В.В.* Природа и культура. М.: Тривола, 1996. 160 с.
15. *Рубинштейн С.Л.* Избранные философско-психологические труды. Основы онтологии, логики, психологии. М.: Наука, 1997. 464 с.
16. *Спиваковская А.С.* Основы психологического консультирования. Конспект лекций, прочитанных на психологическом ф-те МГУ имени М.В. Ломоносова [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.ru/13_165985_lector--prof-spivakovskaya-as.html (дата обращения: 22.11.2017).
17. *Старовойтенко Е.Б.* Модель персонологии в парадигме «жизни» // Мир психологии. 2010. № 1. С. 157—172.
18. *Старовойтенко Е.Б.* Персонология: жизнь личности в культуре. М.: Академический проект, 2015. 431 с.
19. *Стюарт Я., Джайнс В.* Современный транзактный анализ: пер. с англ. СПб.: Социально-психологический центр, 1996. 332 с.
20. *Фаликман М.В.* Методология конструктивизма в психологии познания // Психологические исследования. 2016. Т. 9. № 48. С. 3. [Электронный ресурс].

URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1305-falikman48.html> (дата обращения: 22.11.2017).

21. Шкловский В.Б. О теории прозы. М.; Л.: Круг, 1925. 189 с.
22. Элиаде М. Космос и история: Избр. работы: пер. с фр. и англ. М.: Прогресс, 1987. 312 с.
23. Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. 304 с.
24. Юнг К.Г. AION. Исследование феноменологии самости: пер. с англ. М.: Рефл-бук, Ваклер, 1997. 336 с.

LANDSCAPE ANALYTICS: THEORETICAL BASES AND PSYCHOTECHNICS

A.S. BELORUSETS*,
National Research University Higher School of Economics, Moscow,
Russia, arsenny@mail.ru

Yu.V. KONOPELTSEVA**,
Active leisure center huskyvillage «Ruzian Alaska», Ruza, Russia,
YuliaKonop@gmail.com

We present an analysis of the Landscape Analytics (LA), a specific way of group psychotherapy suggested by S. Berezin and D. Isaev. Methodological bases, specific techniques and the source of the therapeutic effect are discussed. The method is regarded through the concepts of general personology, transactional analysis, analytical psychology, developmental approach and the psychological theory of activity. We point out the following aspects of LA effect: a participant's involvement into an active exploration of the different spaces of life, activation of all ego-states simultaneously, stimulating Transcendent Function, creating a multilevel image of the world, assistance in seeing developmental tasks in connection with the super-objective. All these points can be discussed as components of generalized effect aimed at providing conditions that help participants widen and integrate their orientation.

For citation:

Belorusets A.S., Konopeltseva Yu.V. Landscape Analytics: Theoretical Bases And Psychotechnics. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2017. Vol. 25, no. 4, pp. 156–171. doi: 10.17759/cpp.2017250410. (In Russ., abstr. in Engl.).

* *Belorusets Arseny Sergeevich*, Graduate student, National Research University Higher School of Economics; Research & Development Expert, Human Technologies lab, Moscow, Russia, e-mail: arsenny@mail.ru

** *Konopeltseva Yulia Vladimirovna*, Dog musher, Active leisure center huskyvillage «Ruzian Alaska», Ruza, Russia, e-mail: yuliakonop@gmail.com

Keywords: landscape analytics, psychotherapeutic journey, psychological tourism, group psychotherapy, levels of orientation.

Acknowledgements

The authors are grateful to Sergey V. Berezin, Vadim A. Petrovsky and Helena B. Starovoytenko for their permanent support, stimulating discussions and critical reading of this article.

REFERENCES

1. Aizenstat S. Drimtending. Metod istseleniya snovideniyami: per. s angl. [Dreamtending. Awakening to the Healing Power of Dreams]. Moscow: Dobrosvet; Gorodets, 2017. 240 p. (In Russ.).
2. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti: printsipy obshchepsikhologicheskogo analiza [Psychology of personality. Principles of General psychological analysis]. Moscow: Smysl; Akademiya, 2002. 480 p.
3. Belorusets A.S., Frolov Yu.I. Podkhody k vydeleniyu struktury psikhologicheskogo vozrasta i ikh ob"yasnitel'no-opisatel'nyi potentsial po otnosheniyu k starosti [Definitions of the structure of psychological developmental periods: explanatory and descriptive potential in application to old age]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2011, no. 3, pp. 50–60. (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Berezin S.V., Isaev D.S. Landshaftnaya analitika: opyt transdistsiplinarnoi psikhoterapii [Elektronnyi resurs] [Landscape analytics. An experience of interdisciplinary psychotherapy]. Available at: http://psycheya.ru/lib/land_analiz.pdf (Accessed 22.11.2017).
5. Zejgarnik B.V. Teoriya lichnosti K. Levina [Kurt Lewin's theory of personality]. Moscow: MSU Publ., 1981. 118 p.
6. Ivannikov V.A. Ponyatie lichnosti v psikhologii [The concept of personality in psychology]. *Voprosy psikhologii*, 2012, no. 5, pp. 125–132.
7. Karabanova O.A. Orientiruyushchii obraz v strukture sotsial'noi situatsii razvitiya rebenka: ot L.S. Vygotskogo k P.Ya. Gal'perinu [The orienting image in the social situation of child development: from L.S. Vygotsky to P.Ya. Galperin]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya [Moscow University Bulletin. Series 14. Psychology]*, 2012, no. 4, pp. 73–82.
8. Campbell D. Sekulyarizatsiya sakral'nogo [Secularization of the Sacred]. *Yungianskii analiz [Jungian analysis]*, 2013, no. 3, pp. 35–62. (In Russ.).
9. Leont'ev A.N. Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1975. 304 p.
10. Liders A.G. Krizis pozhilogo vozrasta: gipoteza o ego psikhologicheskom soderzhanii [Crisis of the late adulthood age. A hypothesis about it's psychological content]. *Psikhologiya zrelosti i stareniya [Psychology of maturity and aging]*, 2000, no. 2, pp. 6–11.
11. Liders A.G., Frolov Yu.I. Razvitie predstavlenii ob orientirovke i orientirovochnoi deyatel'nosti v kontseptsii P.Ya. Gal'perina [Evolution of Concepts of Orientation and Orienting Activity in Galperin's Theory]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-Historical Psychology]*, 2012, no. 4, pp. 13–27. (In Russ., abstr. in Engl.).

12. Mamardashvili M.K. Psikhologicheskaya topologiya puti. (M. Prust. “V poiskakh utrachennogo vremeni”) [Psychological Topology of the Way. (M. Proust. “In Search of Lost Time”)]. Moscow: Fond Meraba Mamardashvili, 2014. 1232 p.
13. Petrovskii V.A. Lichnost' v psikhologii: paradigma sub"ektnosti [Personality in psychology: the paradigm of subjectivity]. Rostov-on-Don: Feniks, 1996. 512 p.
14. Petukhov V.V. Priroda i kul'tura [Nature and Culture]. Moscow: Trivola, 1996. 160 p.
15. Rubinshtein S.L. Izbrannye filosofsko-psikhologicheskie trudy. Osnovy ontologii, logiki, psikhologii [Selected philosophical and psychological works. The foundations of ontology, logics, and psychology]. Moscow: Nauka, 1997. 464 p.
16. Spivakovskaya A.S. Osnovy psikhologicheskogo konsul'tirovaniya. Konspekt lektzii, pročitannykh na psikhologicheskome f-te MGU im. M.V. Lomonosova [Elektronnyi resurs] [The foundations of psychological counseling. Lecture notes for the Faculty of psychology of Lomonosov Moscow State University]. Available at: https://studopedia.ru/13_165985_lector--prof-spivakovskaya-as.html (Accessed: 22.11.2017).
17. Starovoitenko E.B. Model' personologii v paradigme “zhizni” [Personology model in the life's paradigm]. *Mir psikhologii* [The world of psychology], 2010, no. 1, pp. 157—172.
18. Starovoitenko E.B. Personologiya: zhizn' lichnosti v kul'ture [Personology: personality's life in the culture]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2015. 431 p.
19. Stuart I., Joines V. Sovremennyi tranzaktnyi analiz: per. s angl. [TA today: a new introduction to transactional analysis]. Saint Petersburg: Sotsial'no-psikhologicheskii tsentr, 1996. 332 p. (In Russ.).
20. Falikman M.V. Metodologiya konstruktivizma v psikhologii poznaniya [Methodology of constructivism in the psychology of cognition]. *Psikhologicheskie issledovaniya*, 2016. Vol. 9 (48), p. 3. [Elektronnyi resurs]. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n48/1305-falikman48.html> (Accessed: 22.11.2017). (In Russ., abstr. in Engl.).
21. Shklovskii V.B. O teorii prozy [Theory Of Prose]. Moscow; Leningrad: Krug, 1925. 189 p.
22. Eliade M. Kosmos i istoriya: Izbr. raboty: per. s fr. i angl. [Cosmos and History. Selected works]. Moscow: Progress, 1987. 304 p. (In Russ.).
23. Jung C.G. Arkhetip i simvol [Archetype and Symbol]. Moscow: Rennans, 1991. 304 p. (In Russ.).
24. Jung C.G. AION. Issledovanie fenomenologii samosti: per. s angl. [Aion: Researches into the Phenomenology of the Self]. Moscow: Refl-buk; Vakler, 1997. 336 p. (In Russ.).